

ОГОНЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Хотя прошло всего несколько месяцев со дня выхода завершающей второй части «Блокадной книги»* — не покидает ощущение, что написана она давно. Просто будто кто-то взял ее с полки и долго не возвращал. И вот наконец она вернулась к нам. Возможно, такое впечатление — чисто ленинградское, навеянное городом, где до сих пор как бы еще растворена в воздухе память о блокадной поре, и достаточно толчка, чтобы она воплотилась в болевые, взволнованные рассказы. А. Адамович и Д. Гранин выслушали, записали десятки, сотни таких рассказов, перечитали тысячи страниц блокадных дневников. В результате сложилась их книга. Как спокойно и безразлично это звучит: выслушали... записали... прочитали! Между тем на это надо было решиться, подвигнуться, заранее зная, к чему придется прикоснуться. Поэтому «Блокадная книга» воспринимается не просто как очередное, яркое, драматическое произведение советской литературы, но как поступок, поступок гражданского и творческого.

Думается также, что для создания произведения, подобного «Блокадной книге», необходимо было ощущать право, которое О. Берггольд назвала «правом разделенно-

го страдания». Оно, это право, завоевывалось одним из авторов в отроческие годы в партизанском отряде, другим — в окопах под Ленинградом. Впрочем, послушаем самих создателей «Блокадной книги»: «Откровенно говоря, мы многого не знали, не знали, какие жестокие вещи стоят за привычными словами «Ленинградская блокада». Даже мы, прошедшие войну... казалось, привычные ко всему, были не готовы к этим рассказам. Они ведь, эти люди, щадили нас все годы, но себя, рассказывая, уже не щадят».

«Блокадная книга» — произведение документальное, в этом ее отличие от известных, популярных произведений, посвященных обороне Ленинграда — «Дневных звезд» О. Берггольц, «Блокады» А. Чаковского, романа В. Кетлинской «В осаде». Конечно, и в названных произведениях широко использованы реальные факты, но они подчинены либо беллетристическому замыслу, либо, как у Берггольц, вбираются в лирический монолог. А. Адамович и Д. Гранин на первый план выдвигают свидетельства очевидцев и участники борьбы города с фашистскими захватчиками. Из этих рассказов складывается в первой части образ блокадного города, борющегося с голодом, холодом, лишениями и невзгодами, города воюющего и работающего. Дневники, составившие основу второй части, позволили показать судьбу человека, го-

рожаннина в пору самого сурового и жестокого испытания. Авторский же комментарий скуп и деликатен. Да и нужны ли, например, добавления к потрясающей сцене встречи на «Большой земле» Лидии Охупкиной с мужем?! «Я слышу, — вспоминает Охупкина, — он спрашивает, приехала ли я или нет. Ему отвечают, что она с детьми находится в машине. Он снова вскочил и стал смотреть. Стал узнавать, узнавать и хриплым голосом: «Вы, вы?» — снова выпрыгнул из машины. Он заплакал и зачем-то папку снял». Только выделение отметили здесь присутствие авторов. Более часто комментируются дневники Юры Рябинкина, да они и нуждаются в подобных пометках, чтобы читатель легче выявил главное в смятенных, трагических размышлениях юноши. И все-таки для А. Адамовича и Д. Гранина главное — сам дневник, отмеченный предельной искренностью и совестью. Наконец, в «Блокадную книгу» включен поразительный по мудрости, глубине и духовной энергии дневник учено-историка Г. А. Князева. Будучи инвалидом, перемещаясь на коляске от дома до здания Академии наук, Князев, как сказано в книге, имел «малый радиус» обзора. Вместе с тем — ученый, и мыслитель — он в своем дневнике соединил скучные, фрагментарные впечатления от жизни блокадного города с глобальными размышлениями

о культуре, цивилизации, духовности, вандализме, человеконенавистничестве, о том тяжелейшем испытании, которое выпало на долю гуманизма в нашем столетии.

Словом, «Блокадную книгу» читаешь прежде всего как книгу-документ. Вместе с тем, это именно книга, написанная белорусом А. Адамовичем и ленинградцем Д. Граниным, крупными, хорошо известными прозаиками. Авторы ее были движимы не только стремлением собрать, опубликовать свидетельства ленинградцев-блокадников, но и выразить свой взгляд на человека, войну, культуру, прошлое и настоящее. Калейдоскоп рассказов, свидетельств, фрагментов из дневников и воспоминаний соединен думой о человеке, его возможностях, духовном резерве, его взаимоотношениях с обстоятельствами (в данном случае исключительными). Авторы «Блокадной книги» ничего не упрощают, не тешат читателя, не берегут его нервы. Через документ они воспроизводят правду в ее наготе и жестокости. Более того, не включив в книгу ряд «запредельных» свидетельств и фактов, они помнят и о них. И все-таки главная тема книги — преодоление, преодоление голода, холода, нечеловеческого существования. Кровно связан с этим очень существенный для книги мотив возможностей человеческого духа. Не случайно почти в самом начале приведен эпизод, имеющий для

понимания замысла книги ключевое значение. Имею в виду рассказ ученого-пищевика А. Беззубова о встрече с немецким профессором Цигельмайером, консультировавшим нацистское руководство, как «скорее уморить Ленинград голодом». Расчеты были сделаны по всем правилам науки, педантично и безукоризненно, и из них следовало, что «жители города должны, обязаны умереть, а они продолжали жить, они двигались, даже работали, нарушая незыблемые основы науки». Беззубов вспоминает: «Цигельмайер изумлялся и все меня спрашивал: «Как же вы выдержали? Как вы выдержали?! Как вы могли? Это совершенно невозможно!». Потом он говорил: «Я все-таки старый пищик. Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?».

«Блокадная книга» и есть прежде всего попытка ответить на подобные вопросы, попытка прикоснуться к чуду. Приведенные в ней свидетельства показывают, что из жестоких расчетов немецкого профессора выпало самое главное, самое существенное — величие веры, духовные резервы ленинградцев, которые работали, тянули из последних сил и умирали на рабочем месте, если эти силы иссякали.

В произведении А. Адамовича и Д. Гранина есть одна, пронзительная глава. Названа она кратко, хлестко, как удар, — «Черта». Черта, переступив которую человек те-

ряет свой человеческий облик, черта, которую, казалось бы, так легко было переступить измученным, страдавшим людям. Черта, которая меняла «меру многих вещей, понятий, поступков». Дневники, использованные в «Блокадной книге», свидетельствуют о судьбах людей, которые выдержали, не переступили эту черту. «Если определить главное, что происходило в них, — пишут А. Адамович и Д. Гранин, — то, наверное, это будет работа совести — у Юры Рябинкина, работа разума, духа — у Георгия Алексеевича Князева и работа любви — у Лидии Охупкиной... Так получилось — трое наших героев воплотили три решающие опоры человеческого бытия».

Если говорить о главных уроках произведения А. Адамовича и Д. Гранина, обращенных к нашему времени, то они заключены в утверждении патриотизма, совести, любви, подлинной интеллигентности, которая создает «гуманистическое предполье», позволяющее человеку выстоять, не потеряв своего облика в самых драматических обстоятельствах.

«Блокада не уходит вместе с иными событиями в тихие заводы прошлого, куда заглядываешь лишь от случая к случаю, — пишут А. Адамович и Д. Гранин. — Особенность блокады — она как бы остается поодаль, но рядом, как нечто такое, что следует всегда иметь в виду. Время от времени с ней сопоставляешь и других, и самого себя».

Владимир ЛАВРОВ.

ЛЕНИНГРАД

* Алесь Адамович, Даниил Гранин. Блокадная книга. М., «Советский писатель», 1979; Блокадная книга. Часть вторая. «Новый мир», 1981, № 11.